

Мас. 2694

... Нам хочется сказать еще несколько слов о последней литературной новинке, о новом гр-ии А. П. Чехова

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛЪ.

237

Анн. Мысли. Это рядъ живыхъ этнографическихъ очерковъ, вроде „Голодный годъ“, другого талантливаго писателя, г. Короленки, но и здѣсь авторъ „Степи“ является, попрежнему, неизмѣнно чуткимъ и впечатлительнымъ художникомъ, отъ котораго не ускользаетъ ни одно выдающееся явленіе. Чеховъ всегда и повсюду—поэтъ, чего нельзя сказать про Короленку, ибо талантъ послѣдняго ограниченнѣе и слабѣе, а потому и бѣднѣе галерея созданныхъ имъ типовъ. Чеховъ же даетъ обиліе тонко очерченныхъ характеровъ, вполне законченныхъ типовъ, напоминая частью Тургенева и частью Мопассана. Затѣмъ, безукоризненно-правильный поэтический языкъ, до красоты котораго не возвышался ни одинъ изъ современныхъ молодыхъ беллетристовъ. Лучшимъ изъ послѣднихъ чеховскихъ произведеній должно считать „Палату № 6“, а потомъ уже „Островъ Сахалинъ“, хоть это не болѣе, какъ путевыя записки. Приведемъ же кое-что изъ нихъ. „Я говорю г. Чеховъ—ходилъ изъ избы въ избу одинъ; иногда сопровождалъ меня какой-нибудь каторжный или поселенецъ, который отъ скуки бралъ на себя роль проводника. Иногда за мной или на нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ, какъ тѣнь, надзиратель съ револьверомъ. Это посылали его на случай, если я потребую какихъ-нибудь разъясненій. Когда я обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, то лобъ у него мгновенно покрывался потомъ и онъ отвѣчалъ: „Не могу знать, ваше высокоблагородіе!“ На Сахалинѣ попадаются избы всякаго рода, смотря по тому, кто строилъ ее—сибирякъ, хохоль или чухонецъ, но чаще всего—это небольшой срубъ, аршинъ въ восемь, двухъ или трехъ-оконный, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, крытый соломой, корьемъ и рѣдко тесомъ. Двора обыкновенно нѣтъ. Возлѣ ни одного деревца. Сарайшко или банька на сибирскій манеръ встрѣчаются рѣдко. Если есть собаки, то вялые, не злые, которыя лаютъ на однихъ только гиляковъ, вѣроятно, потому, что тѣ носятъ обувь изъ собачьей шкуры. И почему эти смирныя, безобидныя собаки на привязи? Если есть свинья, то съ колодкой на шеѣ. Цѣтухъ тоже привязанъ за ногу.—

Зачѣмъ это у тебя собака и пѣтухъ привязаны?—спрашиваешь хозяина.—У насъ на Сахалинѣ всѣ на цѣпи,—острить онъ въ отвѣтъ. Земля ужъ такая“.

„Картины, которыя я—продолжаетъ авторъ—встрѣчалъ, обыкновенно не говорили мнѣ о домовитости, уютности и о прочности хозяйства. Чаще всего я встрѣчалъ въ избѣ са-мого хозяина, одинокаго, скучающаго бобыля, который, казался, околѣлъ отъ вынужденнаго бездѣлья и скуки; на немъ вольное платье, но по привычкѣ шинель накинута на плечи по-арестантски и, если онъ недавно вышелъ изъ тюрьмы, то на столѣ у него валяется фуражка безъ козырька. Печка у него не топлена, посуды только и есть, что котелокъ да бутылка, заткнутая бумажкой. Самъ онъ о своей жизни и о своемъ хозяйствѣ отзывается насмѣшливо и съ холоднымъ презрѣніемъ. Говорить, что уже всякіе способы перепробовалъ, но никакого толку не выходитъ; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь съ нимъ, въ избу собираются сосѣди, и начинается разговоръ на разныя темы: о начальствѣ, климатѣ, женщинахъ... Отъ скуки всѣ готовы говорить и слушать безъ конца“.

Въ дальнѣйшихъ описаніяхъ—бездѣлье, равнодушіе ко всему, нищета каторжныхъ. Прочитаешь и жутко, и страшно, и обидно тебѣ за человѣка, обреченнаго на прискорбное существованіе вдали отъ всего живого, на мертвомъ островѣ. Г. Чеховъ прекрасно сдѣлаетъ, если издастъ свои „путевыя записки“, которыя въ такомъ дорогомъ, сравнительно съ другими журналѣ, какъ „Русск. Мысль“, недоступны человеку небогатому, тогда какъ, издавныя хотя бы фирмою „Посредника“, записки эти были бы прочитаны огромнымъ большинствомъ грамотныхъ людей.

А. Огневъ.

Заслуга
Упрощен
Чего не
телемъ и
ной кни
ней затр
затрудни
Запада. И
алатія. В
интеллиг
мизма»,
въ обла
насть. Пе
дича въ
«Сар

Рас
печати-
ствовати
нія, вес
ковъ, к
какъ-бы
такихъ
тому что
наго чи
почтени
выраже
ренност
суждені
буетъ,
незыбле
Спинноз
о своем
сѣмена,
телей и
истинъ
воспріи
велико